

Ладутько Марина Владимировна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

ladutko.m@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье описывается внутренняя форма концепта «Любовь», представлена семантическая модель концепта «Любовь» в русской картине мира.

Ключевые слова: картина мира, концепт, семантическая модель концепта

The article describes an internal form of a “Love” concept and presents a semantic model of the “Love” concept of the Russian picture of the world.

Keywords: picture of the world, concept, semantic model of a concept

Одним из основных культурных концептов как в универсальной, так и русской картинах мира является концепт «Любовь». Внутренняя форма данного концепта сформирована за счет лексем *любить*, *любовь*. Подробное ее описание представлено в работе Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» (1997). Автор отмечает, что глагол *любить* по происхождению и форме – каузативный, т.е. обозначает «вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать это». С течением времени он занял место глаголов всех трех фаз (по трехфазовой модели) и вобрал в себя их значения: 1) глагола 1-й фазы, который по своей форме в точности параллелен др.-инд. *lobhayati* «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять»; 2) глагола 2-й фазы, который должен был обозначать «впасть, погрузиться в состояние любви, желания чего-то»; 3) глагола 3-й фазы **льбети* «пребывать в состоянии любви, влечения к чему-либо или кому-либо». Семантика глагола *любить* пополняется компонентами «обмануть», «исчезнуть», которые обнаруживаются при восстановлении глагола 2-й фазы – **льбнути(ся)*, следы которого можно найти в русском языке: *у-лыбнуть* «обмануть», *у-лыбнуться* «пропасть». В народном быту вместо «любить» говорят «жалеть», но этот глагол передает не само чувство любви, а физическое ощущение от него, его след в душе. К существу концепта приближается, насколько это возможно, имя – др.-рус. *любь*. Наиболее точную параллель к славянскому дает готский язык, в котором имелось прилагательное *liufs* со значением «милый, любимый». Косвенным образом, по семантическим следам, восстанавливаются еще два значения: 1) «надежный; такой, кому можно довериться»; 2) «ценный». В современном немецком языке в слове с тем же корнем развилось еще и значение «верить» [1, с. 279–282].

Ю.С. Степанов отмечает присутствие в концепте «Любовь» еще одного элемента – «попеременного сравнения», взаимного уподобления двух лиц, ко-

торый содержится в русской и английской языковых моделях этого чувства – в концепте «Нравиться». В русской модели *Она (он) мне нравится* источником устанавливающегося между двумя людьми отношения, чувства, выступает «другой» – агент Б, «она», «он», который и предстает здесь как субъект, противопоставленный агенту А, «мне», «я», который в свою очередь является воспринимателем это отношение, его «вместилищем». Такой же элемент можно найти в английской модели *I like her (him)*, даже и по этимологическому смыслу слова – «Я подобен ей (ему)». Отличие от русской модели состоит лишь в том, что агент А представлен здесь в субъектной, а не в объектной форме. Элемент сравнения же подчеркнут гораздо определеннее.

Компонент «подобие» в концепте «Любовь» выступает в динамичном плане – не просто как «подобие», а как «уподобление друг другу», что отражено в русском *влюбить (в себя)* «заставит любить». Кроме того, по замечанию ученого, действие «уподобления-влюбления» совершается по модели «кругового общения» – агент А воздействует на агента Б, затем последний снова на первого, и т.д., что находит отражение в русском *влюбиться* «влюбить-ся, влюбить себя в кого-то другого».

Таким образом, по мнению Ю.С. Степанова, внутренняя форма концепта «Любовь» складывается из трех компонентов: 1) «взаимное подобие» двух людей, 2) «установление, или вызывание, этого подобия действием», 3) осуществление цикла действий по «круговой модели», в которой «адресантом» и «адресатом» попеременно выступают оба участника, причем «источником» всего цикла действий оказывается неактивный агент, который затем, в середине «цикла», будет объектом любви [1, с. 284].

В языковом сознании концепт «Любовь» отражает представления о базовых ценностях нации, в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели ее представителей. Суть когнитивных признаков, составляющих ядро данного концепта языковым сознанием отдельных этносов, охватывается по-разному, по-разному происходит и интерпретация признаков, находящихся на периферии концепта. Проследим, какие смыслы вкладываются в понятие «любовь» русским языковым сознанием.

Семантическая модель концепта «Любовь», построенная на основе **анализа представлений о данном чувстве в научном типе сознания** – в этических и психологических исследованиях и словарях, выглядит, согласно С.Г. Воркачеву, следующим образом:

- семантическое ядро данной модели образуют дефиниционные признаки (совпадают с дефиниционной частью полного определения и позволяет выделить предмет из класса ему подобных), связанные с ценностью («благом»): сам признак «ценность» идентифицирует любовь со сферой аксиологически-оценочных эмоций, признак положительности этой ценности противопоставляет любовь ненависти и безразличию, признаки центральности этой ценности в системе личностных ценностей субъекта, немотивированности вы-

бора объекта и индивидуализированности объекта отделяют любовь от других видов положительного эмоционального отношения;

- ближайшие семантические признаки любви связаны с ядерными имплицитивно – они из них выводятся – и в большинстве случаев представляют собой своего рода реакцию субъекта на центральность ценности объекта: готовность идти на жертвы ради сохранения объекта в своей жизненной сфере, благожелание, забота о нем, ответственность за сохранение любовных отношений, постоянство, преданность;

- все прочие признаки являются энциклопедическими (т.е. избыточными, несущими информацию, превышающую необходимый и достаточный минимум сведений для выделения предмета из класса ему подобных) и отправляют преимущественно к условиям возникновения и протекания этого чувства: стрессовость, динамизм, алфавитность, ресурсность, «оптический сдвиг», соматики и пр. [2, с. 191]

Л.Е. Вильмс в результате историко-сопоставительного анализа русской и немецкой лексикографии на материале энциклопедических и филологических словарей, изданных в Германии в XVIII – XIX веках и в России в более позднее время, приходит к следующим выводам.

1. Русское понятие «любовь» в XVIII в. дефинируется шире, чем немецкое понятие: в дополнение к немецким значениям «божья милость», «благодарность» подразумевается «страсть», а также «согласие» и «мир», для номинации которых в немецком языке существуют другие лексемы; в русскоязычных источниках, в отличие от немецких, также отсутствует толкование любви как болезни.

2. В XIX в. в русских словарно-справочных изданиях понятие «любовь» либо опускается, либо оформляется кратким толкованием, основанном на перечислении значений, либо (в энциклопедических изданиях) на философской интерпретации этого понятия, при этом в центре внимания оказываются такие признаки, как «добродетель», «страсть», «влечение», «духовно-физическое единение».

3. Практически во всех русскоязычных изданиях «любовь» понимается как чувство; трактовка любви с точки зрения биологического фактора прослеживается лишь в четырех русских изданиях.

4. В современных словарных дефинициях присутствует тенденция к вычленению смысловых подгрупп «любви», которые могут быть охарактеризованы одиннадцатью признаками: глубина, сила, интимность, избирательность, теплота, уважение, страсть, самоотверженность, страдание, преданность, устремленность, непредсказуемость, распределение которых в разных языках неравномерно.

5. В современных лексикографических источниках значительно увеличилось количество сопологающих смыслов и признаковых характеристик [3, с. 140–143].

В русском языковом сознании, по мнению Л.Е. Вильмс, основные варианты интерпретации концепта «Любовь» сводятся к следующему: 'любить' – значит быть верным, преданным по отношению к партнеру; 'любить' – значит восхищаться своим/своей избранником/-цей; 'любовь' – это страсть; 'любовь' – это радостное чувство; плохо, когда чувство выставляется напоказ: надо быть сдержанным; 'любить' – значит проявлять заботу, беспокойство о любимом; плохо, когда любовь односторонне направлена = безответная 'любовь'; есть более сильные чувства/эмоции, способные подавить 'любовь' (воля, напряжение всех психических сил, душевные усилия). Но языковые интерпретации этого понятия в русском языке позволяют выявить и некоторые особенности: во-первых, 'любовь' – самое важное в жизни человека; во-вторых, безрассудочность в проявлении любовных переживаний вызывает понимание / сочувствие / жалость; в-третьих, без страданий нет любви; в-четвертых, душа = сердце – сосредоточие любовных переживаний; в-пятых, 'любовь' – благо, данное свыше; в-шестых, плохо быть легкомысленным в любви, проявлять безответственность (особенно для женщины); в-седьмых, 'любить' можно вечно ("до последнего вздоха" → физическая смерть; и "до безумия" → духовная смерть) [3, с. 150].

Анализ лексических средств фразеологического и нефразеологического характера, обозначающих понятие «любовь» с точки зрения их общих и особых структурных типов, коннотативных признаков и метафорического переосмысления, осуществленный Л.Е. Вильмс, позволяет ученому сделать следующие выводы.

1. Русский менталитет терпим к таким признаковым и оценочным характеристикам, как безрассудочность, страдание, боль, мучительные переживания в любви, проявления влюбленности мистического характера, но осуждает легкомыслие, безответственность и нескромность.

2. Русский язык стремится к конкретизации эмоциональной информации, к обозначению нюансов эмоционального отношения, поведения и состояния, номинируемых как «любовь».

3. Основные культурно-образные ассоциации, связанные с понятием «любовь», основаны на «пламени», «жаре», «огне», «горении», на представлениях о любви как о питательном средстве, пище, на лексике «дыхания», «кипения жидкости», «вместилища/сосуда», «колдовства/чародейства/волшебства».

4. В русском языковом сознании любовь нередко очеловечивается, опредмечивается, но чаще интерпретируется как явление природы.

5. Гиперболизация в описании способностей человека любить в русском языковом сознании ассоциируется с «душой» и «сердцем», а гиперболизация степени чувства в описании любви связана для носителя русского языка со смертью, затем – с безумием [3, с. 146–149].

Специфические черты русского сознания хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творче-

ства. Анализ паремиологического фонда русского языка позволяет С.Г. Воркачеву осуществить диахронический срез культурного концепта «Любовь» в русском языковом сознании. К **дефиниционным признакам** концепта «Любовь» ученый относит следующие:

- признак ценностной ядерности (центральности) предмета любви, передаваемый паремиологическими единицами, отправляющими к эмоциям, вызванным отсутствием самого дорогого, и пословицами, отражающими интенсивность желания соединиться с любимым;
- признак рациональной немотивированности выбора объекта в соединении с признаком «неподконтрольности» чувства;
- признак «индивидуализированности выбора объекта любви», представленный паремиями, отражающими «абсолютное принятие» любящим личности любимого [4, с. 193].

Следовательно, **импликативная, производная семантика** в составе концепта «Любовь» связана, во-первых, с центральностью положения предмета любви в системе личностных ценностей субъекта и представлена через «каритагивный блок»: благожелание, нежность, заботу, уважение к личности любимого, снисходительность к его слабостям и недостаткам, сострадание и жертвенность, преданность и готовность прощать. Ценностная ядерность любви определяет также «всесильность» чувства. К рациональной немотивированности выбора объекта любви восходят импликации компенсаторной интуитивности этого чувства.

Из числа **энциклопедических признаков** концепта «Любовь» наиболее представленными паремиологически в русском языке являются следующие (признаки представлены в порядке своего частотного ранга):

- признак положительной ценности этого морального чувства;
- прагматическая, утилитарная оценка как средство или условие достижения этого блага;
- признак «неподконтрольности» чувства;
- признак амбивалентности любви, которая в русском сознании непременно связана со страданием;
- признак «разлуки», которая в русском сознании является непереносимым атрибутом любви или выступает средством проверки силы чувства;
- признак «иронии», представленный паремиями, используемыми языковой личностью с целью перифрастического, иронического выражения нелюбви;
- признак «красоты», которая признается русским сознанием в качестве источника возникновения любви, но отрицается в качестве значимого элемента для «любовного быта»;
- признак «взаимности», связанный в русском сознании с проблемами безответной, несчастной любви, а точнее необходимостью жить с нелюбимым;
- признак «побой», связанный с готовностью женщины терпеть побои от любимого;

- признак «оптика» связан с представлениями русского сознания об утрате способности к здравому суждению и абберации зрения;
- признак «отрицательная оценка» касается, в основном, начальной стадии любви – влюбленности;
- признак «судьба» связан с представлением о непостижимости причин возникновения любви, что дает русскому паремиологическому сознанию основания уподоблять это чувство судьбе, слепой, неумолимой, неизбежной;
- роль материальной стороны для устойчивости «любовного быта»;
- тремя паремиологическими единицами представлены признаки «интенсивность», «соматическое проявление», «недолговечность», «воздействие»;
- двумя паремиологическими единицами представлены признаки «аутентичности», «памяти», «неутолимости», «возраста», «равенства»;
- одной паремиологической единицей передаются признаки «любовных ссор», «личной сферы», «пьянства», «свободы», «ревности», «ненависти», «единомыслия» [4, с. 195-197].

Диахронический срез культурного концепта «Любовь» С.Г. Воркачев дополняет срезом синхроническим, полученным в результате опроса информантов, которым задавался вопрос: «Что такое любовь в вашем представлении?» В результате анализа полученных данных выделилось несколько блоков, расположенных ниже в порядке своего частотного ранга:

- «карикативный» блок, включающий признаки, связанные с «семантическим дублетом» любви – милостью/милосердием: жертвенность, терпимость, готовность прощать, доверие, преданность, уважение, заботу, ответственность, доброту, нежность;
- «андрогиный» блок, включающий семантику, восходящую к представлениям о любви как о поиске недостающей половины, когда-то отсеченной от человека, о любви как о взаимодополнении: понимание, гармония, ответственность, взаимность;
- «дезидеративный» блок, образованный признаками, восходящими к «этимону» глагола «любить» – «хотеть/желать»: влечение, стремление, желание, страсть;
- «нигилистический» блок, включающий признаки, отрицающие существование либо ценность любви: любовь – это миф, сказка, обман, ее нет; это болезнь души, безумие;
- «гедонический» блок, содержащий такие признаки, как наслаждение, удовлетворение, отсутствие отрицательных эмоций;
- блок «хорошего отношения»: симпатия, хорошее отношение [4, с. 203].

Доминирующим в структуре концепта «Любовь» в русском языковом сознании оказывается семантический признак «взаимопонимание», далее по рангу идут (2) «влечение»; (3) «доверие»; (4) «гармония»; (5) «тревога»; (6) «готовность прощать», «бескорыстие»; (7) «уважение», «жертвенность», «вер-

ность/преданность», «страсть», «эйфория», «взаимность», «смысл жизни», «счастье»; (8) «желание», «привязанность», «обман», «болезнь»; (9) «идеализация», «Я в другом», «симпатия», «наслаждение». Десятое место по рангу занимают однократные упоминания признаков («удовлетворение», «чувственность», «нежность», «взаимоотдача», «приспособливание к другому», «несвобода» (зависимость), «близость» (быть рядом), «поцелуй Бога», «гармония со Вселенной» и пр.).

Сопоставление семантических признаков, упомянутых в ответах респондентов, представлений русского языкового сознания о концепте «Любовь», отраженных в паремиологическом фонде русского языка, с семантическим прототипом данного концепта, полученным в результате анализа научного дискурса, показывает, что дефиниционные признаки (ценностная ядерность, немотивированность выбора и индивидуализированность его объекта) представлены на всех уровнях языкового сознания, расхождения же касаются в основном признаков периферийных, которые в качестве признаков, составляющих интерпретационное поле концепта «Любовь», также должны быть приняты во внимание.

Итак, семантический анализ системно-языкового материала способствовал выявлению универсальных и специфических сем в составе языкового значения лексемы *любовь*. К семам первого типа нами были отнесены следующие единицы: 1) способность любви проявляться в форме интереса или привязанности к определённому лицу или роду деятельности (любовь к музыке, любовь к искусству, любовь к работе); 2) истинность и бескорыстие любви (любовь к родине, материнская любовь); 3) присутствие страсти в любовных переживаниях (горячая, безумная, страстная любовь, пылать любовью); 4) способность любви причинять страдания (страдать, умирать от любви). Семами, представляющими национальную специфику лексемы в русском языковом сознании, являются такие семы, как: 1) непродолжительность любви (любовь прошла, угасла, умерла); 2) возможность заслужить чью-либо любовь (завоевать, заслужить, снискать любовь); 3) возможность внушить любовь кому-либо (прививать, воспитывать любовь у кого-либо); 4) необходимость сдерживать свои чувства при посторонних (скрывать, таить, беречь любовь).

Литература

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47–58.
3. Вильмс, Л. Е. Любовь / Л. Е. Вильмс // Антология концептов. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
4. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С. Г. Воркачев // Коммуникативные исследования – 2003. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 189–208.